

ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ О ВЯЧ. ИВАНОВЕ

Личный фонд Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома не раз обращал на себя внимание исследователей его творчества. Несмотря на то что он несопоставим по объему хранящихся материалов с московским 109-м фондом в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, специалистов продолжает привлекать возможность неожиданной находки, скрытой в недрах нескольких композитных единиц хранения. Созаемся, что одной из целей наших публикаций последних лет было знакомить научную аудиторию именно с такими находками,¹ и здесь мы также хотели бы предложить ее вниманию несколько *bagatelles* того же рода.

Стихотворение на случай

Сделанное по поводу собственного стихотворения «Напутствие»² признание Иванова в письме к жене от 31 июля 1906 года: «Я прихожу к сознанию, что все равно — кому, о чем и на какой случай писать стихи. И лучше всего — на случай»,³ — уже цитировалось в научной литературе.⁴ Оно дает нам дополнительное основание внимательно отнестись к этому корпусу текстов писателя, сближающих быт и искусство. Два последних прижизненных сборника поэта, «*Cor ardens*» (1911—1912) и «Нежная тайна» (1912), имеют в своем составе целые разделы из подобных стихотворений, представляющих собой то литературные игры, то ответы на дружеские послания, то инскрипты на подаренных книгах.⁵ Несмотря на то что в личном фонде поэта в ИРЛИ хранится несколько текстов, относящихся к обозначенному роду, уверенному комментарию пока поддается лишь один из них:

¹ См.: Обатнин Г. В. 1) Письмо Вячеслава Иванова к Игорю Северянину из архива Пушкинского Дома // *Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой*. СПб., 2009. С. 245—260; 2) Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // *Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К. М. Азадовского*. М., 2011. С. 347—402; 3) К описанию наследия Василия Гиппиуса: письмо Вяч. Иванова // *История литературы. Поэтика. Кино: Сб. в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой*. М., 2012. С. 248—262.

² Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 341—342. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома римской цифрой и страницы арабской.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. № 3. Л. 36 об.

⁴ См.: Богомолов Н. А. Об одном стихотворении на случай // *Русская литература*. 2011. № 4. С. 107 (с другой датировкой: 29 июля; действительно, письмо Иванова было начато двумя днями раньше).

⁵ О необходимости собрать полный корпус текстов Иванова говорит и Н. В. Котрелев в статье «Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. „Творцу миров иллюзии волшебной...“; II. „Обоим сон в тот вечер...“» (От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 179—180). Среди важных вех этого процесса отметим публикацию одной из самых больших подборок подобных материалов, хранящихся в Римском архиве поэта: *Иванов Вячеслав. Из неопубликованных стихов: дружеские послания*. Из неопубликованных переводов. *Dubia* / Публ. Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина // *Archivio Russo-Italiano III. Vjačeslav Ivanov — Testi inediti*. Salerno, 2001. С. 25—44. Одно из стихотворений этой подборки, посвященный О. Каменевой мадригал «Во дни вражды междоусобной...», однажды уже было опубликовано Д. Мальмстадом по автографу из ИМЛИ (см.: *Иванова Л. Книга об отце*. М., 1992. С. 80—81). Оно было написано, видимо, в связи с уходом Каменевой из ТЕО. Ср. в письме Г. И. Чулкова к жене от 20 июля 1919 года: «...в Театр (альном) Отд(еле) переворот — ушла Каменева...» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. № 482. Л. 66). К этому добавим, что беловой автограф мадригала с правой карандашом и той же датой 4 июля лежит также в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 607. № 29). Из работ недавнего времени следует особо выделить помещенный в Интернете триптих *Lucas' a von Leyden' a* «Вячеслав Иванов: неизданное и несобранное», состоящий из ряда шуточных и домашних стихов писателя, сохранившихся в его фонде в НИОР РГБ (см.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/136453.html>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/140926.html> и <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/144677.html>; дата просмотра: 25. 11. 2013).

С крыш зеленых, из лазури
 Сирий стриж слетел в дулю,
 Где уютно и тепло,
 Переждать в затишье бури,
 Затаиться, затаить
 То, чем сердце хочет жить,
 То, чем прежде сердце жило,
 Как бывое ворожило
 И луны волшебный сон
 Зыблил волны вешних крон

11 июня, новоселье

PS

Мы пришли на новоселье:
 Поселиться здесь веселье;
 И в приволье и в тепле
 Будет славить стриж в дупле
 Что весна обетовала,
 Закрывалось в покрывала.

ВячИв.⁶

Стихотворение записано на отдельном листе, но его текст входил в один из двух альбомов Ал. Н. Чеботаревской. Оба они числятся в списке, сделанном О. Н. Черносовой для передачи материалов в Пушкинский Дом.⁷ Если первый альбом содержал автографы В. Бородаевского, Ю. Верховского, М. Кузмина и Иванова (28 стихотворений), то второй представлял собой выполненные Чеботаревской записи только ивановских стихов (42 текста). Несмотря на карандашные пометы о суммах, которые покупатели, видимо, готовы были выплатить за эти материалы (250 и 50 рублей соответственно), местонахождение самих альбомов неизвестно. Однако машинописные росписи их содержания все же сохранились среди документов Черносовой. Приведем первую из них:

Альбом № 1 Ал. Н. Чеботаревской со стихами.

№№		Лл.
1.	В. Бородаевский. — «Подражание Гариванте». ⁸ Автограф	1
2.	“—” — — «Лилово небо, поле бело». ⁹ — “ —	1
3.	Ю. Верховский. — «Для ваших мирных лар». 11. VI — 1910. Автограф.	1
4.	М. Кузмин. «Лишь весь душой...» 6. III — 1910. Автогр(аф)	2
5.	«Bevor ich Ihnen wirklich Verse schreibe»..... ¹⁰ Рукою Ал. Чеботаревской	1

⁶ ИРЛИ. Ф. 607. № 371. Л. 11.

⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 180. Л. 90 и 90 об. Добавим, что здесь же упоминаются другие стихотворения Иванова в количестве 104 текстов (машинопись и печатные), а также 12 статей и их оттиски общим объемом 102 листа. Очевидно, что все эти документы, вкуче с пятью биографическими материалами поэта и деловыми письмами к нему, вошли в личный фонд Иванова.

⁸ Очевидно, опечатка, должно быть «Подражание Гариванте», индийской эпической поэме I—II веков до н. э. «Narivams(h)a», содержащей, среди прочего, классическое жизнеописание Кришны (Хари). Название поэмы, буквально означающее на санскрите «род Хари», во французском переводе 1834 года, послужившем, очевидно, источником для русского заглавия, звучало как «Narivansa» (ср. современное написание по-русски «Харивамша»).

⁹ См.: Бородаевский В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. М., 2011. С. 133; дата: 7 февраля 1916 г.

¹⁰ «Пока я Вам стихи действительно пишу» (нем.).

6.	«Да вижу я, ваш чудный уголок»... автор неизвестен Вяч. Иванов. — Стихи. — Автографы		1
7.	«Ad me ipsum».	1. III — 1906	1
8.	«Белые лебеди кличут и плещутся»...		1
9.	«Пришелец, на башне притон я обрел»...		1
10.	«В день Элады светозарной»...		1
11.	«В моря заклятые»...		1
12.	«В ниве» /Рука де В. И./ ¹¹		1
13.	«Дикий колос».	5. VI—1917	1
14.	«Звезды блещут»...	1916	
15.	«Как мать сыра-земля томится»...	20/7. IX — 1918	1
16.	«Отголодавшая старуха»...	21/8. IX — 1918	1
17.	«Лебяжьим пухом»... ¹²		1
18.	«Меж ели смолистой»...	17/4. — IX — 1918	1
19.	«Нечеловеческим плугом»...	19. IX (1914)	1
20.	«Опять, как сон, необычайна»...		1
21.	«Псалом 126».	18. 5 — IV — 1918	1
22.	«Оттуда»...		1
23.	«Скоро, Леман, улечу...»	28 марта (1912)	1
24.	«С крон зеленых...»	11 июня (1910)	1
25.	«Мы пришли на новоселье...»		
26.	«И. М. Гревсу»	1/14. VII — 1918	1
27.	«Г. Чулкову».	Декабрь 1919	1
28.	Рукопись В. Иванова. — Условия редакционного сотрудни- чества в «Золотом Руке». Москва, 23 ноября 1907 г. ¹³		1
29.	Пусть говорят: «Святыня — не от жизни» — 1 л. —		3
30.	Осенью — 1 л.		
31.	Повилики белые в тростниках высоких — 1 л. ¹⁴		

Из этого списка видно, что публикуемый нами текст (№ 24 и 25) упомянут с разночтением в первой строке, возможно, просто неверно списанной. Как и в автографе, дата стоит под первой частью, в то время как постскриптум сочтен отдельным текстом. Кроме того, в архиве Чеботаревской сохранился еще один альбом, куда вклеены три текста Иванова: белой автограф стихотворения «Кассандре» под названием «А. Н. Чеботаревской» (I, 790), карандашный автограф стихотворения «Осенью» с датой 16/3 октября 1903 (I, 771—772) и «Повилики» (II, 321).¹⁵ Нетрудно заметить, что все они завершают роспись автографов первого альбома и, вероятно, были позднее вырезаны из него. Обратим внимание, что другие три стихотворения из того же альбома, «Псалом 126», «Меж ели смолистой...» и «Скоро, Леман, улечу...», уже были нами опубликованы по ивановским автографам из бумаг Чеботаревской.¹⁶ Таким образом, мы завершаем публикацию корпуса неизвестных текстов Иванова из ее альбома.

¹¹ Возможно, переписано стихотворение Иванова «Нива» (II, 278—279).

¹² Имеется в виду третья строка первого из «Зимних сонетов»: «Лебяжьим пухом свод небес омрежен» (III, 568).

¹³ Ныне хранится в ИРЛИ (Ф. 94. № 70. Л. 1—1 об.).

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 180. Л. 78—79. Отметим, что среди текстов Иванова, скопированных Чеботаревской во второй альбом, числятся стихотворения «И. Г. Гельману» (1 января 1920 года), «Эскулап всенародный», а также «Вл. Вл. Урусову», датированное 10 июля 1924 года (Там же. Л. 84). Последнее, видимо, представляет собой послание «Вл. Вл. Русланову». Все три текста были опубликованы О. А. Кузнецовой (см.: Кузнецова О. А. Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // Русский модернизм: Проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 255—256). См. также повторную публикацию последнего стихотворения: Богомолов Н. А. Об одном стихотворении на случай. С. 107—111.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 189. № 202. Л. 1—3.

¹⁶ Иванов В. «В блистанях студеных...»: неизвестные стихотворения / Предисл., публ. и комм. Г. Обатнина // Наше наследие. 1992. № 25. С. 80—81. В сделанной по другому автографу

Повод для написания этого стихотворения выясняется из письма М. М. Замятниной от 16 июня 1910 года к находившейся в поездке по Греции В. К. Шварсалон: «Александра Николаевна переехала этажом ниже и Вячеслав, Ю. Н. (Верховский) и я были у нее на новосельи, где и Вяч. и Ю. Н. написали ей по стиху».¹⁷ Подношение Верховского также сохранилось: оно, в отличие от трех вышеупомянутых ивановских стихотворений, не вклеено, а вписано чернилами в единственный сохранившийся альбом, правда, похоже, рукой самой хозяйки. Текстами Иванова и этим стихотворением содержание последнего, собственно, и исчерпывается:

Для ваших мирных дар
Каких цветов красу,
Какой молебный дар
Сегодня принесу?

Мечты заветные
Прекрасного былого, —
Хвалы приветные
Разнеженного слова?

Черты грядущего
В алеющем тумане —
Огня, цветущего
В лазурном океане?

Нет, лучше восхвалим
Текущий мирный день —
Да снидет он благим
Под благодатную сень.

Юрий Верховский
СПб. 11. VI. 910¹⁸

Отметим, что в определенные периоды своей жизни Чеботаревская имела прямое касательство к квартирным делам семьи Ивановых. Материал по этому «сюжету» можно обнаружить в ее письмах к М. М. Замятниной. Поскольку вкупе с Л. А. Недоброво, у которой находились ключи от дома, Чеботаревской было поручено следить за жизнью «башни»¹⁹ в отсутствие хозяев, в письме от 1 мая 1913 года она с тревогой сообщала своему адресату: «Милая Маруся! Третьего дня я узнала о растрате, которую сделал Сергей Конст(антинович Шварсалон). Вчера от него самого добыла подробности. Он сказал мне, что не высылал вам за Март (200 р.) и за Апрель (200 р.). Кроме того, получая деньги за квартиру от Гессена, тоже не уплатил домохозяйину (Дернову) за 3 месяца, это составляет еще 345 р., всего 745 р. Кроме того, он задолжал по распискам личным 131 р. и заложил все свое платье. Объясняет игрою в тотализатор на бегах. Теперь он хочет съезжать от Зале-

публикации переложения того же псалма наша работа не упоминается (см.: Федотова С. В. Неизвестные переложения псалмов Вячеслава Иванова // Русская литература. 2011. № 4. С. 56—57).

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 20. № 4. Л. 5 об. Сообщено А. Л. Соболевым. Во «Всем Петербурге» указан адрес: Тверская, 7.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 139. № 202. Л. 5.

¹⁹ Об этом периоде в истории квартиры см.: *Lucas v. Leyden*. Осиротевшая «башня»: когда начальство уехало // http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2010/03/lucas_v_leyden_osirotevschaya_bashnya.pdf; дата просмотра: 25. 11. 2013. Увлекательность материала, которым насыщена эта работа, заставляет пренебречь строгими рамками комментирования нашей темы и добавить, что одной из кандидатур для жительство на «башне» в пору отсутствия ее хозяев была М. К. Гринвальд (Грюндвальд), которая писала М. А. Волошину 1 сентября 1912 года (т. е. в день заселения основного квартирьеремщика Ивановых С. И. Гессена): «...в моем распоряжении с 1 октября за 45 р. в месяц башня Вячеслава Иванова — 3 комнаты (самой башни) и кухня. — Оказывается, что мне не с кем ее поделить. Не возьмете ли Вы или кто из Ваших друзей» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 471. Л. 32). Правда, ни в одном из списков, посланных швейцаром хозяевам, ее фамилия не фигурирует.

манова,²⁰ кот(орый) оказался, как и надо было ожидать, мерзавцем, и хочет поселиться в Вашей кв(артире) на Таврической, откуда Гессены уже съехали. Предполагает взять к(акую)-то прислугу с мужем, кот(орые) никому не известны. Ради Бога, примите как(акие)-ниб(удь) меры, я твердо уверена, что верить ему ни в чем нельзя, и что случится опять что-нибудь непоправимое».²¹ Решение поселиться в доме на Зубовском бульваре, куда Ивановы въехали осенью 1913 года, также было принято не без участия Чеботаревской. 19 июня 1913 года она писала той же Замятниной из Силламяг, где отдыхала, неподалеку от сестры с мужем, в компании московских друзей и Лидии Ивановой:²² «Что же касается Зуб(овского) бульв(ара), то все единогласно одобряют и советуют брать, что есть. Место чудное, тихое сравнит(ельно), хорош(ий) бульв(ар), масса садов. Д. М. Петрушевск(ий)²³ указывает, что на нем есть два дома: 1) Любошинского, это прямо чудный дом, необ(ыкновенно) благоустр(оенный) (там живут Булгаков, Новгородцев), но немного дорогой, — 6 ком(нат) — 1800 р. (чудные газовые кухни) и хороший дом еще Гиппиус — большой, доброкачественный. Е. Н. Орл(ова)²⁴ напоминает, что правая сторона бульвара — не солнечная, левая ст(орона) — солнечная (если идти от Новинск(ого) б(ульва)ра)».²⁵ После отъезда Иванова в 1920 году из Москвы на Кавказ московская квартира была также оставлена на попечение Чеботаревской, и наконец, она уже реально заняла место почившей в 1919 году М. М. Замятниной, поселившись в семье Иванова в 1921 году в Баку.

Два письма

1

Адресат публикуемой ниже записки, карандашный черновик которой отложился в бумагах Иванова, — Ю. Н. Верховский. Это устанавливается по описываемым обстоятельствам:

«Спасибо за твои стихи. Сафические строфы меня радуют — прямо как оправдание: вражда против „античных размеров“ вокруг шипит и [пытается]²⁶ хотела бы ужалить.²⁷ Спасибо и за газетные статьи прелестные, и за то, что меня в них не ми-

²⁰ Залеманов Александр Михайлович (1891—после 1929) — приятель Шварсалона и его секундант на несостоявшейся дуэли с М. А. Кузминым, чиновник.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 16. № 26. Л. 10—11.

²² З. Н. Гиппиус сообщала московские новости С. П. Ремизовой-Довгелло в письме от 20 мая 1913 года: «Бердяевы же и Белые все свились у Чеботаревской, там же и Лидия Иванова. Вячеслав переезжает в Москву» (*Lamp! H. Zinaida Gippius an S. P. Remizova-Dovgello / Wiener Slavistischer Almanach*. 1978. Bd 1. S. 167).

²³ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942) — историк-медиевист, профессор Московского университета, с 1929 года академик.

²⁴ Орлова Елизавета Николаевна (1861—1940) — покровительница и друг семьи М. О. Гершензона; редактор уже прекратившего выходить к этому времени журнала «Критическое обозрение», где при посредничестве Гершензона публиковался Иванов.

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 16. № 26. Л. 13.

²⁶ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся слова, зачеркнутые в рукописи. Теми же скобками обозначаются зачеркнутые неразобранные слова. Не зачеркнутые неразобранные слова даются в угловых скобках.

²⁷ Возможно, имеется в виду рецензия М. А. Кузмина на первое издание «Алкея и Сафо». Предисловие Иванова здесь дважды было названо «элегантным», впрочем, во второй раз — граничащим также «с комизмом». Раскритиковав подспудную задачу переводчика развенчать легенду о пристрастии Сафо к однополой любви, Кузмин едко заметил: «Вяч. Иванов представил нам Лесбосскую поэтессу в виде институтской „синявки“ или женщины профессора». Кроме того, поэт рассудил, что перевода отрывков в одну строку «можно было бы и не давать», отдельно связав по поводу строки «Зарю встречает шокот славий», которую, по его словам, «со страхом, но можно было ожидать» (Петроградские вечера. СПб., 1914. С. 235; выделенное разрядкой выражение представляет собой цитату из «Слова о полку Игореве»). «Синявка» — слово из школьного жаргона, которым называли классных дам, носивших синее платье (в этом значении оно употребляется, например, в стихотворении П. Потемкина «Гимназическое»: *Потем*

ром поминают.²⁸ Нет ли стихов о войне?²⁹ Можно направлять в „Отечество“, куда звал меня Щеголев.³⁰ Хорошо, что ты все же поехал [на Кавказ] в Тифлис.³¹ Хотел бы знать о тебе и твоих работах обстоятельнее. Привет от меня и от Эрнов. Едем с Володей Эрном в Петербург — читать сообща лекцию (он: «От Канта к Крупну», я: «Вселенское дело»). Любящий тебя В.»³²

Судя по упоминанию посланных Верховским «сафических строф», записка является ответом на состоящее именно из двух таких строф послание «Вячеславу»

кин П. Смешная любовь. СПб., 1908. С. 8). Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru), выдающий на это слово 14 вхождений, в основном из сочинений Л. Чарской и Н. Лухмановой, наглядно показывает также изменение его семантики: ныне оно обозначает женщину-алкоголичку (ср. «синяк»).

²⁸ Вероятно, подразумевается неподписанная заметка «Русские философы о войне», в которой рассказывалось о посвященном войне заседании Религиозно-философского общества 6 октября 1914 года с выступлениями Г. А. Рачинского, В. Ф. Эрна, Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова и Иванова. О последнем скупо сообщалось: «Вячеслав Иванов, тоже указывая, какое вселенское делание выпало на долю России, резко обличал безбожескую культуру Германии и ждал возрождения славянства» (Тифлисский листок. 1914. 14 окт. № 232. С. 2). С заменой «безбожеской» на «безбожную» этот фрагмент был повторен в неподписанной заметке «Суд над германской культурой» в бульварной газете «Знак Тифлиса» (1914. 16 окт. № 285. С. 3). Кроме того, почти с уверенностью можно утверждать, что Верховский не преминул послать Иванову подписанную прозрачным криптонимом Г. Р.-К. статью «„Кант и Крупн“», в которой давний (с 1907 года) ивановский знакомец и недавний преподаватель тифлисских Высших женских курсов Г. Робакидзе (1880—1962), писавший под псевдонимом Робакидзе-Кавказские, эмоционально (ср.: «Что это: буйное ослепление или игра ума? Боюсь, что и то, и другое») критиковал основную идею известного доклада Эрна, узнав о ней из пересказа в «Речи» (Кавказ. 1914. 17 окт. № 235. С. 2). Подробнее о взаимоотношениях писателей см.: *Никольская Т.* Григорий Робакидзе и Вячеслав Иванов. Переписка Г. Робакидзе с Вяч. Ивановым // Русско-итальянский архив II. *Archivio Italo-russo II* / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Salerno, 2002. С. 169—180.

²⁹ Прямых откликов на Первую мировую войну в творчестве Верховского не выявлено, в отличие от следующей, Великой Отечественной, нашедшей свое отражение в стихах сборника «Будет так» (Свердловск, 1943). Из его двадцати четырех стихотворений по необъяснимой причине в не так давно подготовленную В. Калмыковой книгу произведений поэта вошло только восемь (см.: *Верховский Ю.* Струны: Собр. соч. / Сост., статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 383—392).

³⁰ Ср. письмо П. Е. Щеголева к Иванову от 11 ноября 1914 года на бланке журнала «Отечество»: «Дорогой Вячеслав Иванович, посылаю Вам вышедшие номера „Отечества“. Журнал, как видите, патриотический. Цель — укрепление подъема духа и воли к победе. Очень прошу Вас принять участие, дать патриотическую статью и патриотические стихи. Очень ценю Ваше участие. Вы один из немногих русских писателей, правильно настроенный. Порадите отечественному делу. Ваш П. Щеголев. PS. Статьи должны быть маленькие: строк на 150 наших. Мой адрес Петроград Широкая, 23» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 39. № 48. Л. 1). В 1914 году Иванов поместил в этом журнале два стихотворения: «Убеленные нивы» и «Недугующим» (в № 6 и 7), а в следующем году еще одно.

³¹ Осенью 1914 года Верховский уехал в Тифлис преподавать русскую литературу на Высших женских курсах. Практически сразу по приезде он стал руководителем поэтического кружка «Икар» и задумал издавать под его маркой альманахи, о чем сообщил А. М. Ремизову в письме от 15 октября 1914 года, сопроводив эту информацию просьбой: «...а сами пока — очень серьезно Вас прошу — не рассказывайте никому, ниже Вячеславу или Анничкову» (РНБ. Ф. 634. № 75. Л. 7 об.). Из следующего, недатированного письма к тому же адресату явствует, что в будущий альманах прислал свои стихи В. Ф. Ходасевич (Там же. Л. 9 об.). Верховский погрузился в общественную жизнь Тифлиса (см., например, хроникальную заметку о лермонтовском вечере с его участием: *Кавказское слово*. 1914. 10 окт. № 21. С. 3), печатал статьи по специальности (см., в частности: *Верховский Ю.* 1) Памяти князя А. И. Одоевского (К семидесятилетию со дня его смерти) // *Кавказское слово*. 1914. 12 окт. № 23. С. 2; 2) Гаммы // Там же. 1914. 26 окт. № 36. С. 2), а также сотрудничал в отделе библиографии (см. об этом в позднейших автобиографиях поэта: *Верховский Ю.* Струны. С. 736, 895). Начавшая выходить в сентябре 1914 года газета «Кавказское слово» редактировалась Ю. Ф. Семеновым, знакомцем Иванова и в будущем редактором известной эмигрантской газеты «Возрождение». Нелишним будет упомянуть, что занято Верховским место преподавателя чуть ранее предлагалось Иванову (подробнее об истории его пригласения в Тифлис см.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/176009.html>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/176235.html#cutid1>; дата просмотра: 25. 11. 2013).

³² ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 108.

(«О, вожатый мой, за тобою следом...»)³³ Это пока единственное известное нам письмо Иванова Верховскому. Стихи последнего, в свою очередь, были откликом на выход первого издания «Алкея и Сафо», что объясняет благодарность Иванова в начальных строках записки. Поскольку в ней говорится о письме Щеголева, а также о поездке Иванова и Эрн с лекциями в Петроград, текст написан между 11 и 26 ноября 1914 года, в то время как стихи Верховского датированы 19 августа. Кроме того, на обороте публикуемого черновика записано (также карандашом) обращение к Верховскому стихотворение «Не пел я, брат мой, долго; и теперь...», окончательный вариант которого был завершён 19 ноября 1914 года (IV, 24) и опубликован в № 10 «Аполлона» за тот же год.³⁴ Оно является ответом на другое, увидевшее свет лишь два года спустя, послание Верховского «Вячеславу Иванову», содержащее как раз просьбу о военных стихах («Откликнись, друг! Услышать жадею я...»). Последнее имеет дату «4 ноября 1914 года» и также было послано из Тифлиса. Таким образом, в этой записке Иванов отвечает сразу на два, августовское и ноябрьское, стихотворных послания друга.

2

Второе из публикуемых здесь писем сохранилось в двух черновых вариантах. Первый, написанный чернилами, но со значительной правкой, представляет собой законченный черновик, взятый нами в качестве основного текста для публикации. Другой — черновик карандашом и без подписи, надо думать, был составлен ранее.³⁵ Оба варианта начинаются с многоточия, обозначающего пропущенное обращение, и, таким образом, сочинялись именно как черновики, с намерением затем переписать текст набело. Однако поиски этого письма в бумагах адресата, поэтессы Н. А. Павлович, пока ни к чему не привели. В «Воспоминаниях об Александре Блоке» она сообщала о своем знакомстве с Ивановым в 1918 году: «В том же году я часто бывала у Вячеслава Иванова, который отличал меня среди молодежи. Он был настолько внимателен ко мне, что предложил мне показывать ему каждое написанное мной стихотворение и очень строго разбирал мои стихи, останавливаясь буквально на каждой строчке.»³⁶ При этом он всегда исходил из моих авторских на-

³³ Впервые опубли.: *Лавров А. В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 219.

³⁴ Добавим, что в той же единице хранения (№ 118) находятся еще два черновика этого стихотворения (Л. 102—102 об. и 106 об.). На обороте последнего листа помещается фрагмент карандашного черновика ивановского письма, возможно, также обращенного к Верховскому: «Притом свободно: добрый знак, обещающий одоление всей громады. Но почему мало? Условился ли ты с издательством окончательно? К сожалению, нет под рукой подлинника для точного сравнения. Об Ариосте. Хорошо[:]! — звучно, „активно“, живо. Предостерегаю от [опасности] приемов Бальмонта [(в) они портят первую строфу. [Впрочем, ничего не знаю]» (переводы К. Д. Бальмонта пользовались славой крайне неточных). С учетом сохранившихся в архиве Иванова писем Верховского (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 14. № 51) контекст этого послания остается неясным. Однако, если наше предположение верно, оно может быть связано с отсылающим к весне 1914 года и оставшимся не воплощенным замыслом Иванова и Гершензона издать итальянского классика в серии «Памятники мировой литературы», куда друзья приглашали и Верховского (см. об этом в письме Гершензона к нему: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/135271.html>; дата просмотра: 03. 12. 2013). В таком случае речь в этом фрагменте идет, скорее всего, о начале перевода поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

³⁵ Он открывает одну из композитных единиц хранения в фонде Иванова (ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 1—1 об.). Высокая степень текстуальной близости этих, вероятно, почти одновременно создававшихся документов позволяет пренебречь учетом абсолютно всех разночтений при публикации.

³⁶ Судя по ее мемуарам, о том же Павлович попросила Блока при первом личном разговоре в мае 1920 года (*Павлович Н. А.* Воспоминания об Александре Блоке / Вступ. заметка З. Г. Минц; комм. З. Г. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Вып. (1). С. 455).

мерений, учитывая своеобразие моего поэтического лица, а не навязывая мне свою манеру. Была еще жива Вера, его молодая вторая жена, дочь Зиновьевой-Аннибал, болезненная и истеричная женщина; когда я должна была читать стихи, Вячеслав Иванович часто звал своего сына, Диму, бледного 7—8-летнего мальчика, и предлагал ему слушать. Тот входил важно, как маленький принц, и очень серьезно слушал. Говорят, у него был абсолютный слух».³⁷ Помещаю ниже письмо прежде всего бросаю свет на то, что именно понаправилось Иванову в стихах молодой поэтессе:

«...Я уверен, что любители поэзии сочувственно встретят Вашу первую книжку стихов и, весело прощая им кое-где молодую угловатость, не затруднятся признать [их] неотъемлемым их [качеством] достоинством — сочетание чувства формы с тонкостью замысла.

Пусть они найдут в них меньше лиризма, [чем] нежели художественной сознательности, — меньше напевности, [нежели] чем изобразительности живописной, — [меньше] и, наконец, при [большой] живой энергии разносторонних исканий, [некоторую неопределенность] [1 ярзб.]³⁸ все же еще не полную определенность [поэтической индивидуальности] поэтического лица: [они] они не пройдут мимо Вас, не [заметив — прямого (?)] почувствовав остроты Вашего узрения, не [отметив] оставшись под впечатлением присущей Вам способности внезапно усмотреть в вещах нечто непредвиденное и запечатлеть его неожиданным словом.

И надолго западут им в душу и Ваш „Данков“,³⁹ и Ваше „черное Море“,⁴⁰ — „глиняные волненья (?“⁴¹ амфора с битыми краями“,⁴² — и Ваш [грозно палящий

³⁷ Там же. С. 451—452. Во втором варианте этих воспоминаний последние три предложения, касающиеся В. К. Шварсалон и Д. В. Иванова, Павлович опустила (Прометей. 1977. № 11. С. 220). Ср. ее собственную характеристику этого текста в письме к Д. Е. Максимова (датируется по штемпелю 30 декабря 1967 года): «...Мои воспоминания о Блоке (тартуский текст) чуть сокращенные, но с 2 новыми главами, об Ахматовой и Ангелине (сестре поэта. — Г. О.) — пошли у меня в печать для сб(орника) № 9 „Прометей“ (Мол(одая) гвардия, выйдут, верно, летом 68 г.)» (РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 85 об.).

³⁸ Слово густо зачеркнуто.

³⁹ В сборнике Павлович «Берег» (Пг., 1922) стихотворение «Данков» помечено 1918 годом (с. 12), но в позднейшей перепечатке дата смещена на два года раньше (см.: Павлович Н. Думы и воспоминания. М., 1966. С. 58). Еще одна датировка, на этот раз 1917 годом, стоит под этим стихотворением в рукописном сборнике «Тяжелый сон. Стихи. (1914—1921)» (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2. Л. 4). Оно было также отмечено в посвященной творчеству поэтессы статье Г. И. Чулкова: «Поэзия Павлович не исчерпывается пафосом революции. Мирные темы в ее стихах воплощены не менее удачно, чем темы революционные. Думает ли она о каком-то городе Данкове, где кто-то ею был любим; поет ли она печаль, прислушиваясь к этой „музыке незримых сфер“; размышляет ли она о судьбе поэта: везде и всегда она находит не только себя и свою душу, но что-то живое и самостоятельное, не отвергая реальности и не утрачивая, однако, права на ее переоценку» (Чулков Г. И. Новь (Поэзия Надежды Павлович) // Жизнь искусства. 1920. 10 авг. № 526. С. 1). В начале августа 1920 года Чулков побывал в Петрограде, где читал свою поэму в «Доме искусств» и общался со старыми друзьями-литераторами, в том числе с Блоком. В письме к жене от 12 августа, написанном по возвращении, он сообщал: «Познакомился я еще в Петрограде с поэтессой Павлович, которую воспитывал в Москве Вяч. Иванов. Эта Павлович маленькая тумбообразная некрасивая молодая женщина, но пишет настоящие стихи. Я о ней написал статейку, которая и была напечатана в „Жизни Искусства“. Павлович была моей соседкой по комнате в „Доме Литераторов“. Я с ней подружился. Она мне „открывала душу“: влюблена в Блока, и, кажется, Блок ей симпатизирует» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. № 482. Л. 84—84 об.). Статья Чулкова, в которой Павлович представляла наследницей символистов и на которую она позднее сама указывала (см.: Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 467), вышла в период ее наиболее активной, совместной с Блоком, работы в Союзе поэтов (подробнее об этом см.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисл. и публ. М. В. Рождественской и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 684—685; см. также: Иванов Еvg. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 357—360).

⁴⁰ В карандашном черновике было: «И надолго западут им в душу и Ваш Донсков (sic!), и Ваш Псков, и Ваше Черное Море (...» (ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 1 об.).

⁴¹ Два последних слова вписаны сверху.

⁴² Из стихотворения «Черное море»: «Амфора с битыми краями, / Мое вино, Эвксинский Понт, / Не ты ли дьями и веками / Своей опьянило горизонт?» (Сирена. 1918. № 1. Стлб. 7). От-

ангел „в] „сноп голубизны“ с молниями ⟨?⟩ палящего анге⟨ла⟩,⁴³ — и Ваш „звезд едва мерцающий посев на черноземе тучном небосвода“,⁴⁴ — и Ваш „город-шкатулка давно распечатанных писем“,⁴⁵ — и Ваш „желтолицый и сонный финикийский ⟨?⟩ влюбленный ⟨?⟩ солнцегоб“, и руки Вашей голубой дамы с птицей, „удлиненные, ищущие и хрупкие“, „похожие на борзых“.⁴⁶

А под всем этим ярко-зрительным расслышит чуткое ухо и музыкальную стихию Вашей лирики — не только в ритмическом и [звуков⟨ом⟩] жесте, [часто] порой столь счастливом, и в дорогой Вам звуковой живописи,⁴⁷ но и во внутрен⟨нем⟩ [изначаль⟨ном⟩?] движении, в сокровенной жизни [многих] Ваших строк.

Но ведь, по Вашим же словам, —

И музыка сама не есть ли только звук
Косноязычных слов, невоплотимых мук
Первоначаль⟨ного⟩ молчанья?⁴⁸

Я, лично, [готов] согласен приветствовать Вашу [1 нрзб.⁴⁹ немногоречивость молчаливость о себе] терпе⟨ливую?⟩ сдержанность, [Ваше] стремление Ваше к объективизму и объективации, сведение личного начала к отзвучиям, [мелодии] обертонам [1 нрзб.]⁵⁰ напева. Мне нравится бодрость Вашего подхода к явлениям жизни и через них к жизненной сущности; [знаменовательность ⟨?⟩] в мнених ⟨?⟩ мне по сердцу открытость и существенность [знаменовательность] Ваших [скрытных] [знаменовательных] впечатлений, меткость знаменований. Вот почему я от души

метим, что здесь же было помещено и стихотворение Павлович «Извечную печаль таит в себе природа...», упоминаемое Ивановым ниже.

⁴³ Имеется в виду финальная строка первого четверостишия стихотворения 1918 года: «Снова жег мне чей-то взор затылок, / Снова холод подымался со спины, / Ангел огромный, грознокрылый / Встал в снопе голубизны» (*Павлович Н. Берег. С. 11*). Это стихотворение вошло и в сборник «Тяжкий сон» (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2. Л. 6). См. также перепечатку: Сто одна поэтесса Серебряного века / Сост. и биогр. статьи М. Л. Гаспарова, О. Б. Кушлиной, Т. Л. Никольской. СПб., 2000. С. 170.

⁴⁴ Первое четверостишие стихотворения без заглавия 1918 года: «Известную печаль таит в себе природа, / О, смуглый лик луны над вырезом дерев / И звезд едва мерцающий посев / На черноземе тучном небосвода» (*Павлович Н. Берег. С. 13*; см. также: РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2. Л. 5). В позднейшей перепечатке датировано 1916 годом (*Павлович Н. Думы и воспоминания. С. 57*).

⁴⁵ Первая строка стихотворения, которое вошло в оставшийся в архиве сборник «Тяжкий сон» и в таком виде не публиковалось, а посему приведем его полностью:

«...О, город-шкатулка давно распечатанных писем,
Прочтенных случайно, но тайно порою любимых,
О, город, весь рыжий, как мех растрепавшийся лисий,
Закатом палимый, как длинным крылом херувима.
...И скрипки дверей, распахнувшихся чьим-то ударом,
Смычки проводов над изогнутой шеей трамвая, ...
Лицо в позолоте едва уловимой загара,
Загаданный первым, единый, тебя я не знаю!... 1918 г.»

(РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2. Л. 7).

Последние четыре строки с несколько иным финальным, повторяющим первый, стихом завершают стихотворение Павлович «Мой первый, мой самый забытый, тебя я не знаю...» (*Альманах муз. Книга 1-я. Песни любви. М., 1918. С. 20*).

⁴⁶ Две последние цитаты взяты из неустановленных текстов.

⁴⁷ Возможно, у хорошо знакомого с немецким Иванова на слуху был означавший ониматопею термин *Lautmalerei* (ср. *звуконпись*).

⁴⁸ Финальная строфа стихотворения «Известную печаль таит в себе природа...» (*Павлович Н. Берег. С. 13*).

⁴⁹ Слово густо зачеркнуто.

⁵⁰ Слово густо зачеркнуто.

напутствую благопожеланиями Вашу книжку, которая иногда будет [живо] приятно напоминать мне два весенних месяца совместной работы в новой московской „Студии“ поэтов.

Вяч. Иванов». ⁵¹

Писатели встречались не только лично, но и на книжных страницах. Например, в «Альманахе муз», где Иванов поместил свои переводы четырех татарских и башкирских песен, ⁵² или в «Записках мечтателей», правда, уже после отъезда поэта из Москвы. ⁵³ Но заключительные строки письма Иванова объясняют повод для его написания: видимо, раздумывая над изданием своей первой книжки стихов, поэтесса попросила у него письменный отзыв. ⁵⁴

Отдельного внимания заслуживает фраза Иванова про «два весенних месяца совместной работы в новой московской „Студии“ поэтов». Очевидно, имеется в виду организованная Павлович вместе со «студентом-филологом» Вейцманом в начале 1918 года и помещавшаяся в частной гимназии Геденовой на Молчановке студия стиховедения, «из которой впоследствии вырос Брюсовский институт». ⁵⁵ Здесь, кроме Иванова, читали лекции Андрей Белый, Брюсов и Гершензон. В своих воспоминаниях «Невод памяти» Павлович рассказала о том, как она с Вейцманом пришла просить Иванова читать курс: «Он принял нас в плед и шапочке. Был похож и на Тютчева, и в то же время на иезуита. Подробно расспросил нас об учебном плане. Мы хотели начать его курс с античной поэзии. Говорил с нами, как хороший декан. Потом осведомился о наших средствах. Мы собирались открыть запись учеников и брать небольшую плату, что-то около 5 рублей с человека. Тогда это еще были большие деньги.

Но мы не могли гарантировать никакой оплаты за лекции, так как не знали, сколько будет слушателей. Вячеслав Иванов видел нас в первый раз. Он все же сказал: „Хорошо, я буду читать этот курс. Мысль у вас интересная. Если деньги наберутся, вы мне заплатите. Если нет, буду читать даром“». ⁵⁶ Студия стиховедения стала первой в ряду поэтических объединений, в просветительской работе которых Иванов принимал деятельное участие (кружок при Государственном институте декламации, известный по записям Ф. И. Коган, студия ЛИТО Наркомпроса, где занимался, например, Н. П. Малишевский). ⁵⁷ О самих студийцах отчасти мож-

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 607. № 244. Л. 1—1 об.

⁵² Альманах муз. С. 5—7. «(...)Посредственные стихи Вяч. Иванова и Н. Павлович (...)», — мимоходом отмечал В. Шершеневич в обзоре «Поэзия 1918 года» (Без муз. Нижний Новгород, 1918. С. 41).

⁵³ Ивановские «Дерева». Вступление к поэме» следовали непосредственно за десятью стихотворениями Павлович (см.: Записки мечтателей. 1921. № 2—3. С. 132—135, 136—138).

⁵⁴ Ее первой книге «Берег» предшествовал сборник «Тяжкий сон» объемом 46 страниц (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2). Он состоит из беловых (порой с небольшой правкой) автографов, записанных поперек страницы, т. е. листается снизу вверх, и возможно, представляет собой рукописное издание, подготовленное для продажи в книжной лавке писателей. В сборник входит стихотворение «Летний сад» (1921), поэма «Ave, Caesar!», явно обращенная к Блоку, и другие «петербургские тексты», так что, судя по всему, книга составлялась уже в Петрограде. Публикуемое письмо с ней не связано, хотя порой ивановская стилистика звучит во включенных сюда текстах. Ср., например, «Глухая мгла легла в лесах сосновых» (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 2. Л. 19) с ивановскими строками «Другую туч глухая мгла томила» и «Мгла тусклая легла по придорожку» (II, 414, 321). Отметим попутно, что в помещенной здесь же поэме «Отрывки из „Поэмы о заговоре“» (1920), читавшейся Павлович Блоку, описаны не только диспуты в Политехническом музее, которые посещает героиня, но и расстрел восставших эсеров и кладбище расстрелянных за Ходынку.

⁵⁵ Цитата из несколько огульноюющейся от окончательного варианта версии «Воспоминаний» Павлович, сохранившейся в архиве журнала «Звезда» (РНБ. Ф. 709. Оп. 2. № 220. Л. 14).

⁵⁶ Павлович Н. А. Невод памяти. Кафе поэтов и II студия стиховедения / Публ. Т. Бедняковой // Человек. 1997. № 1. С. 154.

⁵⁷ Финал этой деятельности зафиксирован в по обыкновению неприязненном отзыве С. П. Боброва в письме к Б. А. Садовскому от 2 февраля 1920 года: «Вячеслав процветает, чи-

но судить по письму некоего А. Д. Дмитриева от 15 июля 1918 года, который, обратившись к поэту с просьбой оценить его стихи, сообщал о себе следующее: «Писать я начал с 1912 года. Был перерыв — война. Теперь опять приступил к писательству в надежде выяснить свое положение в литературном мире. Я — из крестьянской среды, получил образование в Строгановском училище. К Вам обращаюсь потому, что знаю Вас по Студии Стихovedения». ⁵⁸ Другим участником был С. В. Шервинский. ⁵⁹ Иванов писал ему 24 октября 1918 года: «Многоуважаемый Сергей Васильевич. Так как на понедельник 5 ч. пополудни (а равно и на вторник в тот же час) назначено важное и НЕОТЛОЖНОЕ заседание Театрального Отдела, где я служу, то лекция моя в Студии Стихovedения, назначенная на понедельник, — к моему сожалению, должна быть отложена, и я надеюсь, следовательно, начать ею курс только в среду, в 5 ч. С живым приветом и душевно преданный Вам. Вяч. Иванов». ⁶⁰ Третий из известных нам участников — поэтесса В. А. Монина, сообщавшая об этом факте в своей автобиографии. ⁶¹ Таким образом, письмо предположительно можно датировать весной 1918 года. Дополнительно в пользу этого говорит тот факт, что все цитируемые в нем стихи Павлович, которые удалось идентифицировать, написаны не позднее этого времени.

Если наше предположение верно, нижеследующее письмо Иванова с рекомендацией Павлович, где поэт сочувственно высказывался по поводу ее студии, хронологически недалеко отстоит от публикуемого текста:

«В Совет Пролеткульта» ⁶²

Удостоверяю, что Надежда Александровна Павлович-Ряжская, принадлежа к группе лиц, по почину и усилиями которых была создана и образцово организована в весенние месяцы текущего года в Москве Студия Стихovedения, проявила в этой деятельности большую и плодотворную энергию и выдающиеся умения. Кроме того, Н. А. Павлович-Ряжская известна мне как поэтесса замечательного дарования и солидной технической подготовки, а также и общего высокого культурного и художественного развития.

Москва, 15 июля 1918.

Вячеслав Иванов
писатель

(Зубовский бульвар, 25, кв. 9). ⁶³

тает по всем местам лекции и гнусавит по-прежнему» (Письмо Сергея Боброва Борису Садовскому / Публ. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 208).

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. № 11. Л. 1—1 об. (указано А. Л. Соболевым). Единственное издание на это имя в указателе А. К. Тарасенкова и Л. М. Турчинского: *Дмитриев А. Песни невольника*. М.: Тип. А. А. Левенсона, 1915. 33 с. 300 экз. Среди подражаний Бальмонту и Блоку, которые составляют основную часть текстов этой книги, можно расслышать и ивановские интонации, например в стихотворении «Разрыхляйте душу, дети!» (с. 24).

⁵⁹ В одном из вариантов своих воспоминаний Павлович замечала: «Помню среди слушателей Сергея Васильевича Шервинского» (РНБ. Ф. 709. Оп. 2. № 220. Л. 15).

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. № 323. Л. 1—2. Материал предоставлен А. Л. Соболевым.

⁶¹ Фрагмент из нее приводится в биографической справке (см.: Сто одна поэтесса Серебряного века. С. 151).

⁶² Одним из следов преподавания Иванова в Московском Пролеткульте является его прошение от 3 апреля 1919 года о выдаче трех продовольственных пайков (ИРЛИ. Ф. 94. № 72. Л. 3). Впрочем, в набросанной второпях в квартире Белого записке на обороте бланка Русского антропософского общества Павлович сетовала: «У меня 22 несчастья: I — Вячеслав Иванов отказался читать в пролеткульте...» (НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 21. № 10. Л. 9).

⁶³ РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. № 54. В фонде поэтессы хранится фотография Иванова (она же в т. III; вклейка между с. 64 и 65) с пометой Павлович «Вячеслав Иванович Иванов. 1918—19 г.» (РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. № 22).

Отметим, что Павлович, судя по всему, вынашивавшая планы объединения поэтов поверх разделявших их кружковых и вкусовых барьеров, намеревалась позвать Иванова в одну из эфемерид тогдашней культурной жизни — в «товарищеское предприятие поэтов, музыкантов и артистов под именем „Венка Искусств“ (Софийка, кафе «Савой»)». ⁶⁴ Возможность осуществить такое объединение она получила в связи с идеей создания Всероссийского союза поэтов. Сохранившееся в записной книжке Павлович шуточное стихотворение «Наш новый Калита, Валерий Брюсов...», повествующее о плане объединить всех поэтов земли русской «без различья вер и вкусов», но обращенное прежде всего к литературному Петрограду, завершается строками, в которых перечислены наиболее весомые поэтические ресурсы Москвы: ⁶⁵

(...) Вот Маяковский — смех свободный наш ⁶⁶
 [И Пастернак] С весной и солнцем он запанибрата,
 Вот Брюсов [наш]-рыцарь — в тяжелых черных латах
 Вот Пастернак, чей [полный патронташ] полнитса јаггташ (sic!)
 Добычи (sic!) поэтической охоты ⁶⁷

⁶⁴ Из недатированного, но очевидно, написанного в 1918—1919 годах письма к Андрею Белому (НИОР РГБ. Ф. 25. Карг. 21. № 10. Л. 1). В другом недатированном письме к тому же адресату, отправленном осенью 1919 года из Самары, она передавала сердечный привет «Вячеславу Ивановичу, если Вы с ним теперь видите» (Там же. Л. 5). О самом кафе см. в мемуарах актрисы, близко стоявшей к футуристам: «Иногда мы выступали в кафе около ресторана „Савой“. Называлось оно „Венок искусств“. Но это носило эпизодический характер» (Фохт-Ларионова Т. Воспоминания // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 2001. [Т. XI]. С. 658). В этих мемуарах, отчасти посвященных так называемому «кафейному периоду» русской поэзии, имя Павлович упоминается среди других московских поэтесс (Н. Поплавской, Г. Владычиной), выступавших и в футуристическом «Кафе поэтов» (Там же. С. 656).

⁶⁵ Отметим, что поэтическое соревнование Москвы и Петербурга позднее нашло свое выражение в датированном 1921 годом шуточном стихотворении В. Пяста «Питер против Москвы», где поэтесса числится уже в составе «хора питерских поэтов»: «Павлович у нас — бас» (Тименчик Р. Д. Забытый экспромт В. Пяста // De visu. 1994. № 5/6. С. 89).

⁶⁶ О чтении Н. Асеевым в кружке молодых московских поэтов «Облака в штанах» Павлович рассказала в воспоминаниях «Невод памяти» (Человек. 1996. № 6. С. 174—175), равно как и о вызывавшем споры чтении Маяковским собственных произведений с эстрады после революции (Там же. 1997. № 1. С. 151).

⁶⁷ Краткую характеристику своих отношений с Пастернаком Павлович дала в недатированном письме к Д. Е. Максимова, присылке своего стихотворения на смерть поэта: «Очень потрясла меня смерть Бор(иса) Леонид(овича) (...) Последние годы мы не встречались, охлаждение было из-за моего отношения к „Живаго“, которого первые 2 ч(асти) я читала в рукописи, по желанию Бориса, и препиралась с ним устно и письменно. Его письмо ко мне по этому поводу (интересное) лежит в моем фонде в Пушк(инском) доме. При случае можете посмотреть. Но в 18—19 г. мы очень дружили, до конца были Борей и Надей, обнимались при встречах. Хотя жизнь развела нас. (...) Всю ночь будили меня стихи, всю ночь пело, трепетало, вставало, трудно, мучительно, до спазма в сердце... Вот посылаю. Хотела бы, чтоб прочла Анна Андр(еевна Ахматова). У меня нет ее адр(еса). Если знаете, пришлите адр(ес), или перепишите для нее с моим приветом (1 нрзб.), но м(ожет) б(ыть) лучше — адрес. Я ей напишу» (РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 14—14 об.). В открытке к Максимова с крайне неразборчивым штемпелем (кажется, от 29 декабря 1961 года) поэтесса спрашивала: «Есть ли у Вас все 3 стихотв(орения) Анны Андреевны на смерть Бориса Леонидовича? У меня только 1 стихотв(орение) ее и 2 потрясающих его предсмертных фотографии, и чудесный предсмертный снимок Вяч(еслава Всеволодовича) Иван(ова)» (Там же. Л. 38 об.). Автограф стихотворения Павлович на смерть Пастернака («О, разве нужно, нужно было, / Чтоб в муках задохнулся он...») завершает переписку с Максимовым (Там же. Л. 146). Кроме того, стихотворение есть и в записной книжке поэтессы, хранящейся вместе с упоминаемым письмом в ее фонде в Пушкинском Доме. Сама Павлович полностью привела это письмо от 24 февраля 1954 года по копии (правда, с небольшими разночтениями — например, последняя фраза оригинала: «Не затеряйте рукописи («Доктора Живаго». — Г. О.), а в копии и публикации — «рукопись») в разделе «Невода памяти», посвященном ее отношениям с Пастернаком (Человек. 1997. № 2. С. 179—180; здесь же на с. 176 упоминается благожелательная реакция Пастернака на первую публикацию поэмы «Воспоминания об Александре Блоке» (1946), а на с. 177 его признание, что в «Докторе Живаго» есть «кое-что

И мудрый эллия старый Вячеслав,
Друг юности и юных наших прав,
Отеческой исполненный заботы⁶⁸

В воспоминаниях И. Одоевцевой о собрании поэтов в Доме литераторов 21 октября 1920 года под именем крикливой Москвички выведена Павлович, щеголяющая своей близостью к Блоку и влюбленностью в него, но бессердечно стреляющая своим кумира дефицитные папиросы (ср. приписку Павлович на полях процитированной выше ее записки к Белому: «Украла 5 папирос»⁶⁹). Однако в уста этого персонажа, слишком «литературно» противопоставленного по-петербургски скромному автору мемуаров, вложены слова, которые вполне могли быть когда-то произнесены: «Но Москвичка и тут звонко напоминает о себе, повествуя о московских литературных событиях, о Шершеневиче, Пастернаке, Маяковском».⁷⁰

Несомненно, реальная картина «рейда» Павлович в Петроград (напомним, что у нее уже имелся опыт организации вместе с М. П. Герасимовым отделения Пролеткульта в Самаре) была еще более сложной. А участие Брюсова в этом замысле не столь уж активным, в чем убеждает отчетное письмо Павлович к нему, датированное по штемпелю (сама поэтесса почти никогда не ставила дат) 26 июня 1920 года, т. е. отправленное буквально накануне первого, организационного заседания Союза поэтов:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузьминым (sic!),⁷¹ Эрбергом и с нес(олькими) молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне. Кроме того, есть основания рассчитывать на поддержку т. Ионова,⁷² что важно для издательства. Теперь возникает вопрос о точных взаимоотношениях Петрограда и нашего президиума. Я прошу Вас в срочном порядке поставить этот вопрос на Президиум и предлагаю такую схему. 1) Немедленно озаботиться о созыве с'езда, на котором будет выбран Всерос(сийский) Президиум, куда войдут, конечно, главным образом представители Москвы и Петрограда. 2) До созыва с'езда, как только будет утверждено Петроград(ское) отд(еление) и избран его Президиум, соединить нашу и его редакционные ком(иссии). (В ком(иссию) эту думают войти Блок и Белый.) Вопросы эти требуют немедленного разрешения, так как уже возникли. Таким образом, отчасти осуществляется мысль Буданцева⁷³ о необходимости выделения Про-

из наших давних бесед — начала революции»). Невольно приходит на мысль, что мемуарная поэма Павлович по датам написания (1940) и публикации (1946) корреспондирует с «Поэмой без героя» и «Доктором Живаго».

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 578 (Н. А. Павлович). Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Е. И. Гончарову за помощь в работе с этим фондом. Интересно, что в перечень не попал Андрей Белый, московским встречам с которым Павлович позднее посвятила фрагмент в своих мемуарах (правда, без упоминания о посещении ею антропософских лекций писателя), а также специальный, отсутствующий в первой публикации 1946 года, подраздел в поэме «Воспоминания об Александре Блоке» (*Павлович Н.* На пороге: Стихи и поэма. М., 1981. С. 16—17).

⁶⁹ НИОР РГБ. Ф. 25. Карг. 21. № 10. Л. 9.

⁷⁰ *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. С. 185.

⁷¹ Вместе с М. Л. Лозинским, Блоком и Гумилевым Кузьмин в дальнейшем входил в приемную комиссию Союза.

⁷² Заведующий петроградским отделением Госиздата.

⁷³ С поэтом и прозаиком С. Ф. Буданцевым (1896—1940), как и с его будущей женой, поэтессой В. Ильиной, Павлович была знакома еще по одному литературному кружку дореволюционной Москвы. Видимо, давностью знакомства объясняется ироничный тон Ильиной в письме к Буданцеву от 21 ноября 1918 года: «Павлович, как ты знаешь, была замужем, олицетворяла добродетель, работала на пользу пролетариата в Московском Пролеткульте, а кончила тем, что укатила с одним пролетарским поэтом в Самару, муж с ней разводится, и она трагически заявила, что в Москву, вероятно, никогда не вернется. У нее, между прочим, тоже туберкулез,

фессион(альных) дел. Администрат(ивная) сторона отойдет к Москов(скому) и Петроград(скому) Президиумам. Профессион(альная) же и, конечно, редакц(ионно)-изд(ательская) к Всеросс(ийскому) Президиуму. Затем очень прошу Вас, Валерий Яковлевич, распорядиться немедленно выслать мне хотя бы рукописную заверенную, если нет печатной, копию Устава. Я предполагаю, что через неделю-полторы будет собрание инициативной группы, а через две — общее собрание. Причем мы почти решили привлечь к Союзу и на общее собрание поэтов не путем публикации, а путем личных приглашений, чтоб избежать нежелательных лиц. Также прошу я прислать мне выписку из протокола, где точно обозначены нормы приема.

Я была бы очень рада, Валерий Яковлевич, если бы Вы отметили, что кажется Вам желательным при организации и сказали бы мне, правильным ли путем я пошла.⁷⁴

Этот документ интересен не только появлением имен писателей, ранее как будто далеких от данного плана (Белый, Буданцев), но и отсутствием упоминаний Вяч. Иванова.

В первую опубликованную книгу стихов Павлович «Берег» вошло стихотворение «Вячеславу Иванову», датированное здесь 1920 годом и представляющее собой отклик на не состоявшийся тогда отъезд Иванова за границу.⁷⁵ В ивановском фонде в Пушкинском Доме сохранился, видимо, перебеленный для подношения автограф этого текста с расширенным названием «Вячеславу Иванову с любовью дочерней посвящаю», более точной датой, разбивкой на строфы и некоторыми пунктуационными и лексическими заменами (например, в опубликованном тексте *пароход* заменен на *ледоход*):

Под небом Италии неколебимым
Учитель милый, не забудь,
Как рвется в высь Кремля израненная грудь,
Как все заволочло багрово-синим дымом.
И звуки Дантовских торжественных терцин
Не заглушат напева русской речи,
И в Дантовом Аду не те ли ветер мечет
Листы, что кружатся среди степных равнин?
Под небом Италии расплавленно-синим
Студеную дрему северных рек
Вспомни! — и льды мы родные раздвинем
И будет солнце в черной заре.
Блестают средь ада врата исхода,
Непрочен снегов и метелей покров;
Прекрасной волны Средиземной — гул парохода
И воздушная сеть облаков.

Надежда Павлович

июнь 1920 г.
Москва.⁷⁶

Отъезд Иванова дважды отмечался литературной Москвой. Заседание Общества любителей российской словесности, куда он, судя по записям Ф. И. Коган, от-

кажется» (РГАЛИ. Ф. 226. Оп. 2. № 109. Л. 3 об. — 4; под «пролетарским поэтом» подразумевается М. П. Герасимов). Материал предоставлен А. Л. Соболевым.

⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 97. № 24. Л. 3 — 3 об.

⁷⁵ Павлович Н. Берег. С. 11. Коллегия Наркомпроса уже 11 марта 1920 года ассигновала средства на командировку Иванова, однако по разным причинам поездка не осуществилась. Подробнее об этом см.: Берд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40 (6). С. 306—313; Берд Р., Иванова Е. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 4. С. 57.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 607. № 311. Л. 1. В записной книжке поэтессы сохранился карандашный черновик, соответствующий опубликованному тексту (ИРЛИ. Ф. 578 (Н. А. Павлович)).

правился после занятия в Кружке поэзии, состоялось 16 мая.⁷⁷ Однако стихами Иванова напутствовали лишь на втором собрании. Один из подобных текстов отложился в архиве поэта в Пушкинском Доме. Это стихотворение О. Л. Леонидова (Шиманского; 1893—1951) «Вячеславу Иванову»:

Он для мыслителя философ,
Он для ученого — мудрец;
В нем и начало и конец
Испеляющих вопросов.
Но ярче всех на нем венец
Из трав душистых сенокосов.
Для нас — поэтов — он певец
С полетом быстрых альбатросов.
И в сердце пламенном⁷⁸ его
Для нас сокрыто волшебство.
В нем звуки солнечной Эллады
И музыка нездешних слав.
В певучем слове «Вячеслав»
Неизъяснимые улады...
30 мая 1920 г. Москва.⁷⁹

Дата под текстом свидетельствует о том, что стихотворение предназначалось для чествования Иванова в поэтическом обществе «Литературный особняк», членом которого был его автор. Оно состоялось на следующий день по случаю предполагаемого отъезда поэта за границу.⁸⁰ «Литературный особняк» был организован в феврале 1919 года.⁸¹ Многие его участники (например, Е. Волчанецкая⁸² или Н. Захаров-Мэнский) одновременно состояли членами Всероссийского союза поэтов. Собственно чествование Иванова проходило в помещении клуба этого союза. Можно предположить, что вышеприведенное стихотворение Павлович как-то связано с данным событием, а датировка текста иконем, наступившим на следующий после собрания день, может означать время подношения. Во всяком случае, отъезд

⁷⁷ См.: Кружок поэзии под руководством Вячеслава Иванова. Запись Ф. И. Коган / Публ. А. Шишкина // *Europa orientalis*. 2002. Vol. XXI: 2. С. 129. Материалы заседания опубликованы (см.: *Компелев Н. В.* Иванов — член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Europa orientalis*. 1993. Vol. 12. № 1. С. 331—335).

⁷⁸ Очевидно, обыгрывается название стихотворного сборника Иванова «*Cor ardens*».

⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 607. № 305. Машинопись, подпись — автограф.

⁸⁰ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917—1920 гг. С. 570. Ср. также фрагмент дневниковой записи Л. В. Гольд: «Вчера, 31 мая, чествовали Вяч. Иванова у нас в Особняке (...) Четверо читали посвященные ему стихи. Читала и я. Он целовался, жал руки, и мне руку поцеловал. Потом читал свои великолепные стихи» (Из дарственных надписей В. И. Иванова / Публ. И. В. Корецкой // *Вячеслав Иванов: Материалы и исследование*. М., 1996. С. 150).

⁸¹ Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 458—459. О деятельности общества см. в следующих работах, в значительной степени основанных на одном и том же материале: *Гринько Е. Д.* 1) Документы ГАРФ о деятельности объединения «Литературный особняк» 1919—1930 гг. // *Отечественные архивы*. 1999. № 3. С. 68—70; 2) «Литературный особняк» (1919—1929 гг.) как общественная организация // *Российская государственность XX века. Материалы Межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г.* М., 2001. С. 163—165; 3) Судьба объединения поэтов и критиков «Литературный особняк» (1919—1929 гг.) // *Проблемы отечественной истории*. 2002. Вып. 7. С. 162—174.

⁸² О ее знакомстве с Ивановым см. в письме Е. Волчанецкой к А. А. Измайлову от 10 августа 1920 года: *Соболев А. Л.* Легейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. [Вып. I]. С. 33. Стихотворение «Сонет», вошедшее в сборник Волчанецкой «Серебряный лебедь» (М.; Пг., 1923. С. 10) под названием «Воскрес Великий Пан; смеясь, на нивы...» и с посвящением Иванову, открывает подборку ее стихов, сохранившуюся в фонде поэта (ИРЛИ. Ф. 607. № 281. Л. 1). Оно датировано 4 июня 1920 года, что заставляет предположить возможность присутствия Волчанецкой на прощальном вечере.

Павлович из Москвы в том же месяце (19 июня, по ее словам, она уже была в Петрограде)⁸³ для организации Петроградского отделения Союза поэтов произошел после того, как она «проводила» Иванова, чья заграничная командировка обернулась отъездом на юг России и далее в Азербайджан. Все это объясняет отсутствие имени поэта в приведенном выше ее письме к Брюсову. Показательно, что в письмах к Блоку конца 1920 года поэтесса осмысляла свои отношения с ним именно в сравнении с собственной ролью при Иванове: «Вы не учитель для меня как поэта (ну, как Вячеслав Ив(анов)) (...», или: «Если с Вяч. Ив(ановым) я чувствовала себя сначала гимназисткой, потом студенткой, то с Вами у меня ощущение оставленного при кафедре (...».⁸⁴

Для историков литературы творческий и личный путь Павлович связан в первую очередь с двумя центральными сюжетами ее биографии: отношениями с Блоком и деятельностью по спасению Оптиной пустыни.⁸⁵ Однако не менее глубокий след в ее жизни оставили контакты и с другими деятелями культуры. Например, уже первое из сохранившихся писем Павлович к Брюсову, по обыкновению недатированное и, судя по конверту без штемпелей, посланное с нарочным, содержало просьбу об отзыве:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите, что я Вас беспокою.

Будьте добры, прочтите мои стихи и скажите свое мнение. Я бы так хотела его знать! Ганс фон-Гюнтер говорил мне, что Вы редко отказываете в этом, и я надеюсь, что Вы исполните мою просьбу.⁸⁶

Глубоко-уважающая (sic!) Вас

Н. Павлович».⁸⁷

Борис Пильняк, Андрей Белый, Михаил Чехов, Михаил Герасимов, Надежда Крупская, Самуил Галкин, Владимир Дудинцев⁸⁸ — вот неполный перечень лиц, с

⁸³ Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 564.

⁸⁴ Гончарова Е. И. «Запомнить все, отметить и сберечь...» (Надежда Павлович об Александре Блоке) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. Вып. 4. С. 277, 294.

⁸⁵ См. публикацию ее стихов, посвященных монастырю: Плеханов В. М., Плеханова М. Б. Н. А. Павлович в Оптиной пустыни // Оптина пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19—23 апреля 1990 г. М., 1993. Вып. I. С. 328—335.

⁸⁶ По ее собственным воспоминаниям, с Гюнтером поэтесса познакомилась в 1911 году на Рижском взморье.

⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 386. Карг. 97. № 24. Л. 1. Позднее Павлович вспоминала, что тетрадь со стихами была передана поэту в 1915 году, и затем она удостоилась краткого ответа: «Следует учиться поэзии. Валерий Брюсов» (РНБ. Ф. 709. Оп. 2. № 220. Л. 22).

⁸⁸ Об отношениях с семьей этого советского писателя Павлович сообщала О. Форш 22 декабря 1958 года: «...Мы с Дудинцевым купили небольшую дачу на Волге (...) Я как-то очень крепко вошла в семью Д., называюсь, да и чувствую себя — бабушкой. Чудесные ребята! Их — четверо. Младенцу 4 года, старшей — 16. В самое тяжкое время (имеются в виду гонения за роман «Не хлебом единым». — Г. О.) она сказала отцу: „Папочка, ты говори правду, а мы вытерпим“. А Владимир Дмитриевич и Наташа — его жена — действительно стали моими приемными детьми: они — настоящие люди, умные, добрые, мужественные, — м(ожет) б(ыть) наиболее культурные, благородные и сохраняющие традиции большой русской классической литературы — из всех наших писателей; во всяком случае, из писателей их поколения», а 5 марта того же года (судя по штемпелю), желая познакомить свою корреспондентку с писателем, добавляла: «А П человек — Дудинцев, который умнее и значительнее всех известных мне современ(енных) писателей. Этот человек Вам бы понравился — все понимает, с ним Вы могли бы говорить так и о том, как в давние годы со своими сверстниками, ставя со всей остротой психолог(ические) и философские проблемы. Этот человек наделен правдивой гениальностью и душ(евной) силой. Сломать и убить его можно, но согнуть его было бы невозможно. Я не знаю настоящей меры его литературного таланта. В романе много худож(ественно) слабого. Что покажет новая его вещь? Если таланта хватит, он будет оч(ень) большим русским писателем — он из того дух(овно)-душ(евного) материала, из которого были наши классики — по объему и

которыми Павлович близко и плодотворно общалась, а пересекалась с Горьким, Есениным, Флоренским, Соколовым-Микитовым и др. Вяч. Иванов, контакты с которым ограничились 1918—1920 годами, занимает в этом ряду немаловажное место. Поэтому картина ивановского присутствия в творчестве Павлович будет неполной без упоминания ее позднейшего стихотворения «Вячеслав Иванов». Оно вошло в сборник «Сквозь долгие года...» (цикл «Современники»), последний из выпущенных при жизни поэтессы (машинопись с рукописными вставками хранится в фонде Павлович в Пушкинском Доме). Стихотворение состоит из двух четверостиший, причем первое заканчивается нелицеприятным для Иванова определением, которое запомнилось написавшему вступительную статью к сборнику Л. Озерову:⁸⁹

Похож на Тютчева... Но был похож
И на аббата он, и на иезуита:
Прекрасный лоб, и мощный и открытый,
И тонких губ прельстительная ложь.

Эта строфа как законченный текст записана на том же листе, что и стихотворение «Анна Ахматова» в рукописном сборнике Павлович «Альбом современников. Дополнение к поэме „Воспоминания об Александре Блоке“. Декабрь 1953 г. — январь—февраль 1954»,⁹⁰ одним из источников ее цикла «Современники». В сборнике «Сквозь долгие года...» «ивановский» текст также предварял «ахматовское» стихотворение «Нет лиры, пояска, сандалий...», о происхождении которого она рассказала в расширенной версии своих «Воспоминаний об Александре Блоке».⁹¹

глубине занимающих его проблем, по неподкупности и совести. Если бы он стал христианином, из него был бы удивительный священник и м(ожет) б(ыть) мученик; при каких-то историч(еских) условиях — из Робеспьеров с религией разума и проч. Охотник и рыболов. В семейной жизни — отец 4 детей, оч(ень) любящий, чудесный муж. Очень хорошая жена — настоящий друг, жена, мать. У него при всей фантастичности — ясный, здравый, практически понимающий ум» (ИРЛИ. Ф. 732. Оп. 1. № 351. Л. 5 об., 6 об., 8 об.). О знакомстве, по ее инициативе, с «арбатской жительницей», «бабушкой» Павлович, а также о помощи последней в покупке дома и об их «религиозно-философских спорах» сам писатель рассказал в мемуарной книге «Между двумя романами» (СПб., 2000. С. 142, 174—178; на этот источник нам любезно указала С. Иконен).

⁸⁹ См.: Павлович Н. Сквозь долгие года... М., 1977. С. 10.

⁹⁰ ИРЛИ. Ф. 578 (Н. А. Павлович). 25 марта 1946 года она писала Д. Е. Максиму: «Посмотрите в моем архиве в Пушкинском Доме приложения к поэме. Я задумывала как бы альбом лит(ературных) портретов близких к Блоку людей, но написала только Евг(ения) П(авловича) Иванова» (ИРЛИ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 5 об.).

⁹¹ Прометей. 1977. № 11. С. 235. Для ясности стоит пунктирно напомнить вехи работы Павлович над мемуарами. Опубликовав после смерти Блока в 1922 и 1923 годах фрагменты воспоминаний о нем и его матери, весной—летом 1940 года, видимо, в ознаменование двадцатилетия их знакомства, поэтесса создала мемуарную поэму. Одно из ранних эпистолярных упоминаний о работе над этим произведением находим в письме Павлович к В. Княжнину от 10 мая 1940 года: «Вчерне готовы шесть глав» (цит. по: Азадовский К. «Таинственно — похоже»: «дети» Александра Блока (Письмо Н. А. Павлович к В. Н. Княжнину) // Авангард и остальное: Сб. статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М., 2013. С. 379; датируется по ленинградскому штемпелю, послано из Москвы 8 мая). Когда поэма была опубликована в 1946 году, Павлович продолжила свои воспоминания в стихах («Альбом современников») и в прозе («Невод памяти»). В письме к Д. Е. Максиму от 27 апреля 1954 года она сообщала: «В мае собираюсь переехать на дачу. Замучил московский быт. Буду писать свои воспоминания (за всю жизнь). Многие уже написано: целая папка. Отдам в Пушкинский Дом. Там прочтете. Я предупрежу, чтобы Вам дали». Однако вплотную приступить к этой работе поэтесса смогла только летом 1968 года, т. е. уже после публикации мемуаров о Блоке в Тарту в 1964 году и сдачи их нового варианта в сборник «Прометей» в 1967 году. См. ее открытку тому же адресату, датированную 23 декабря: «Написала я книгу прозы (13 п. л.) — „Невод памяти“. Это мемуары в 3х ч(астях). Работала все лето и сейчас дополняю. (...) Даю сейчас отдельные главы в розницу — в „Лит(ературную) Рос(сию)“ и „Новый мир“. Посмотрим, как примут». Впрочем, позднее, в недатированном, но содержащем помету Максимова «январь» 1970» письме она сообщила, что печатать этот текст никому не отдала, оставив его «для посмертного». Кстати, здесь в перечне лиц, которым посвящены ее мемуары, Иванов не упоминается. Возможно, потому, что в тексте Павлович он действительно не удостоился отдельной главы (ИРЛИ. Ф. 1136).

Они сопутствовали друг другу уже тогда, когда Павлович посылала эти два текста Д. Е. Максимова при письме от 4 мая 1946 года: «Получили ли Вы мое 2-е письмо со стихами „Ахматовая“? Сейчас прошу передать в мой архив „портреты“ Пяста, В. Иванова и окончат(ельный) вариант „Ахматовой“. Шлю через Вас, чтобы Вы могли перечесть и переписать, если захочется».⁹² Интересно, что автограф стихотворения «Вячеслав Иванов», который также сохранился в архиве Максимова, содержит не только вторую строфу, но и дату под текстом «май 1946»:

Высокий голос... Шапочка и плед...
Сверлящий взор... И вдруг благоволенье...
Простая грусть, и нежность, и терпенье...
— Таким ты в сердце у меня, поэт!⁹³

Действительно, автограф текста, обращенного к Ахматовой,⁹⁴ датирован здесь апрелем 1946 года, как и третье из посланных Максимова мемуарных стихотворений «Пяст».⁹⁵ Однако дата, которой снабжено при публикации стихотворение «Вячеслав Иванов», иная, 1950 год,⁹⁶ и это наводит на мысль, что возвращение к работе над ним было связано не только с созданием воспоминаний «Невод памяти» (совпадение деталей ивановского портрета в этих текстах говорит само за себя), но и с известием о смерти поэта в Италии в 1949 году.

Оп. 1. № 32. Л. 1 об., 87 об., 92 об.). В разговоре с В. Д. Дувакиным в 1979 году Павлович признавалась, что уже сдала «Невод памяти» в издательство (Устные воспоминания Н. А. Павлович. Беседы с В. Д. Дувакиным / Публ., вступ. статья В. В. Кузнецовой // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1996. С. 170—173).

⁹² РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 6. Датируется по упоминанию поэмы, которая вскоре должна была выйти в «Новом мире» (сокращенный вариант из десяти частей см.: Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке. Поэма // Новый мир. 1946. № 7—8. С. 120—126), а также по указанию на то, что прошло 25 лет со дня смерти Блока.

⁹³ РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 142.

⁹⁴ Об отношениях Павлович и Ахматовой см.: *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой // Пути искусства: Символизм и русская культура XX века. М., 2008. С. 439—440. Ср. также наблюдения над интересом Павлович к форме «восьмистиший», который исследовательница ее творчества возводит к ахматовскому влиянию (*Гончарова Е. И.* «Запомнить все, отметить и сберечь...». С. 291—292), хотя эта строфа имела гораздо более широкое распространение среди «акмеистов» (см. об этом: *Тименчик Р. Д., Лауров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 58—59; *Тименчик Р.* Рождение стиха из духа прозы: «Комаровские кроки» Анны Ахматовой // *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Lazar Fleishman, Christine Gözl und Aage A. Hansen-Löve.* Hamburg, 2004. С. 551—552; текст доступен по адресу: http://hup.sub.uni-hamburg.de/volltexte/2008/72/chapter/HamburgUP_Analysieren_Timencik.pdf; дата просмотра: 07. 12. 2013). Несмотря на то что Павлович не раз отрицала влияние Ахматовой на свое творчество, возможно, не желая слыть «подахматовкой» (об этом шутивым поименовании Гумилевым молодых участниц своей студии 1920 года см.: *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 48—49), она всегда присутствовала в сознании поэтессы «на заднем плане». Одно из косвенных свидетельств этого находим в мемуарном письме Павлович к Д. Е. Максимова от 2 июля 1977 года (последний проставлен карандашом рукой адресата): «...Я отдыхала в мае 1941 г. в Доме творчества (в Пушкине. — Г. О.). Тогда там был и Тынянов, и мы с ним вспоминали нашу псковскую юность. Он был уже тяжело болен. Нас было всего 9 человек, и по утрам за столом один из нас вслух читал газету (там уже война, там Париж...). Очередь была за Тыняновым. Он начал, оборвал — и тихо: „Я забыл азбуку“. Коля Тихонов (тогда еще Коля) взял газету и продолжил, как будто ничего не случилось. А вечером Тынянов вспомнил азбуку. Парк был прекрасен, но в сердце у меня не остался. Но по нему бродят тени и Ахматовой, и Гумилева, и Анненского. Я уж не говорю о I великой тени» (РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 129). Примечательно, что в этом санатории, где поэтесса оказалась накануне Великой Отечественной войны, она поселилась после чтения 2 мая своей мемуарной поэмы на заседании Блоковской комиссии в Пушкинском Доме (см. ее открытку Княжину от 28 апреля 1941 года с приглашением прийти на это чтение, а также еще одну, от 25 мая, с сообщением адреса санатория: ИРЛИ. Ф. 94. № 57. Л. 20, 21).

⁹⁵ Оно имеет заголовок «К „Воспоминаниям об Александре Блоке“ (к «Альбому современников»)» (РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. № 32. Л. 140—141 об.).

⁹⁶ Павлович Н. Сквозь долгие года... С. 58.